

**ЕЛЕНА
ЛЕБЕДЕВА**

СТАРЫЙ МАЛЬЧИК
повести и рассказы

ЕЛЕНА ЛЕБЕДЕВА

СТАРЫЙ МАЛЬЧИК

Повести и рассказы

БОСТОН · 2024 · BOSTON

Елена Лебедева. Старый мальчик
Повести и рассказы

Copyright © 2024 by Elena Lebedeva

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-960533517

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

📄 www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Book and Cover Design by M•GRAPHICS © 2024

Рисунки в тексте и на обложке: Павел Кульша © 2024

Printed in the USA

СОДЕРЖАНИЕ

Джек и ручеёк	7
Бенечка	24
Детский лепет	37
C'est Martine	114
Зомби	147
Столи-Доли	187
Еврейский погром	223
Старый мальчик	231
Письмо до востребования	242
Великая чистка	251

ДЖЕК И РУЧЕЁК

(из цикла «Кукольный театр»)

Брайану Цымбалу и Диме Цитленко

1

*Распалась лютня на иголки,
И, птичий перепутав слёт,
Деревья закурили смолки,
Встречая искрами восход.
И струн прозрачных шелковистей,
И говорливей бурунов,
Звучал восход высоколистный,
И луч касался облаков.*

Вот. Вот здесь и жил Джек — маленький мальчик, которому отродясь никто не читал сказок, — он был ими окружён.

Мамы у него не было — она умерла при родах, и ребёнок рос с отцом — добрым светловолосым гигантом, работавшим в местных лесах кем-то вроде сторожа: отец Джека был лесником.

С детства привыкший к зелёной униформе, велосипеду и палатке, умевший разжечь костёр в любую погоду, понимавший голоса птиц и зверюшек, Джек обожал раскатывать с отцом на джипе «Ранглер» и проверять делянки. Запасаться дровами на зиму, ловить рыбу, собирать ягоды, грибы и травы, рубить сухостой и разгребать замшелый валежник, преграждающий путь ручьям, — мальчик учился у природы мудрому хозяйствованию и никогда не наступал на муравьёв. По крайней мере, сознательно.

*А добра мне не надобно,
Ни колёс, ни шелков.*

*Мне бы трудную ягоду
Уберечь от подков...*

Оторвать бабочке крылья, бросить муху в паутину к крестовику; поджечь сосну на поляне или обломать ветки молодой осине; пнуть гриб ногой, даже если это поганка, залить водой кроличью норку Джек был не в состоянии. Жестокие забавы местных детей приводили его в ужас и негодование, благо, это случалось нечасто.

Пока был ребёнком, Джек плакал, а, когда подрос, стал драться, да так, что отец вынужден был забрать его из школы и тратить мизерное жалованье на частных учителей. Но оно того стоило, тем более что мальчишки быстро поняли, «кто в доме хозяин», и перестали обижать природу.

В деревне так и говорили: «У нас теперь два лесника, и каждый в своей возрастной и весовой категории».

Отец Джека — Джим — был полноват, а Джек — худющий, как жёрдочка. Но цепкий. Первые девственные мускулы смотрелись на его тощем теле, словно плоды райской яблони — дикого дерева, растущего на поляне за Большим Камнем. Оно роняло свои усатые яблочки — махонькие, зелёно-румяные кулачки размером с вишню, и те щедро усыпали пространство вокруг на радость местной живности.

*Облетает яблоня в саду.
По земле за яблоней бреду.
И язык, как лепесток, богат,
И отсель мне каждый встречный — брат.*

За тощими плодами охотились птицы и мелкое зверье, и Джек, затаившись, наблюдал, как подбирается к дереву неуклюжий барсук или шустрая белка, и тащат дары Господни к себе в нору.

Стараются, проворные, ибо зима не замедлит, и скоро покроет землю Пенсильвании пушистый снег и будет долго лежать, если мороз, а, если нет, потечёт, заструится к подножию горы, с которой далеко открывался лес, — и напоит Ручей.

Э то был главный друг Джека: скудный, тщедушный, но весёлый — мелкая, слабая струйка, копошившаяся в траве и выбегавшая на свет с громким, как ей казалось, криком: «А вот и я!» — а на деле — еле слышным писком гнома, по сравнению с которым любой лесной орех был великаном.

Ну и что? Всё равно Джек его любил, особенно после дождя, когда Ручеёк набирал силу и прыгал по камням сродни индейцу, и вместе с ним прыгал Джек, улюлюкая и соскользая с мокрых валунов в своих мягких мокасынах.

*Как бот, по курсу, за ручьём —
Бегом, бегом, бегом, бегом,
Весёлым парусом блестя,
Весёлым бортом шелестя...*

Солнце играло в тоненьких волосках Ручья, каким-то чудом находило его девственную поверхность и отражалось в ней, бликуя. А она перебирала бурлистыми волнишками, журчала, булькала, и мелкие камешки, успевшие просохнуть и покрыться тонким налётом бурого, ржавого ила, смывались ею с насиженных мест и, перекудовченные сотни раз, начинали сверкать и искриться на дне, словно их полудрагоценные собратья. Скромный булыжник, простолюдин и трудяга, смотрелся джентльменом, невзрачная галька — юной кокеткой, суровая россыпь щебня и гравийных осколков — жеманной толпой, вырядившейся на праздник.

Джек ложился на живот возле Ручья, окунал губы в воду, двигая ими наподобие рыбы, и смотрел, как пузырятся вокруг них серебряные брызги, оседая на лёгком, щенящем пухе его лица.

А то — клал руку в Ручей, и она покрывалась волшебным бисером, превращаясь в причудливую клешню невиданного членистоногого или в перчатку рыцаря. Звенела кольчуга на его благородном теле — звенели перепады Ручья, радуясь возможности течь, стремиться, бежать навстречу приключе-

ниям, удовлетворяя любопытство искателя, первооткрывателя — великое свойство незамутнённой детской души.

*Как хорошо, крестом раскинув руки,
Упасть с высокой кровли в колею
Рассветную и торопливей щуки
Уплыть в страну заветную свою!
Смешным жучком по Божьей вертикали —
Навстречу солнцу, радости, плодам;
Весенних рек журчащей пасторали
Довериться — сверканью амальгам.*

Кроны деревьев в этом месте образовывали нечто вроде копола и росли особенно густо — как сплетённые пальцы. Поэтому солнцу тяжело было прорваться сквозь их плотную оборону, и оно протягивало Джеку то одно щупальце, то другое, а он брал его за руку и прикладывал к Ручью — ловил солнечных зайчиков. И от этого Ручей казался пятнистым, задорным, словно трёхцветный котёнок или игрушечная лошадка — у Джека была такая в детстве. Он и брыкался, как жеребёнок, и торопливо цокал копытцами, попадая на особо упрямые камешки.

Джек хрустел валежником, следуя за Ручьём. Хрупкие, покрытые цветным лишайником сучья трескались и ломались; бурундуки юркали в трухлявые пни и прятались под низкими ветвями елей, лежавшими, словно юбка, на сочной сырой земле; мхи украшали зелёным бархатом престарелые плечи гигантских камней и вековых деревьев, стоявших, словно маститые аристократы, достойным, заслуженным особняком.

К лесной знати относились и крепкие дубы, и размашистые сосны с червоно-охристыми, коричневыми стволами, и нежные берёзки, шедшие под руку с вязами, словно внучки с дедушками, и, безусловно, яркие клёны, пылавшие всеми цветами радуги по осени, будто несказанная птица Феникс.

*Благодарю тебя, восход
Души, в краю, где третий пол —
Зелёный дол, душистый ствол, —*

*Как птица, к небу вознесён,
И всяк в тебе умалишён,
Мерило-море
Лесное.*

Джек дремал, словно на облаке, на пушистом одуванчике лесного массива; захлёбывался зелёной волной бурного океана молодой листвы; шагал по листовенным громадам подобно сказочному эльфу, и она держала его — плотная шевелюра леса, покрывающая упрямые скосы гор и их высокие макушки.

Да, Джек жил в горах. Ну, в каких горах... Понятное дело, Колорадо выше, и его монументальные хребты, мягко говоря, круче, но Джек любил свои пологие склоны с неожиданными, пусть и непритязательными, обрывами, а всё же: высоту человеческого роста умножить на два — это сколько будет? Вот-вот, приличный этаж набирается. Прыгнешь — ударишься, если не разобьёшься.

Водопады Виктория, Игуасу и Ниагарский, конечно, впечатляли Джека; он был помешан на их истории, изобилующей и трагическими, и комическими рассказами об их покорении, но ему по душе был милее его маленький Ручеёк, «низвергающийся» с высоты аж полутора метров в небольшую ямку, в которой накапливалась его живительная вода и плескались лягушки.

Правда, дальше он разворачивался пленительным каскадом, простирая рукава и в сторону леса, и в сторону горной речушки, протекавшей внизу подобно вялому ужу, меняющему кожу. Тихо плелась речушка, судорожно стремился навстречу ей Ручеёк, словно дитя, обретшее мать после долгой разлуки.

*Привстать на цыпочки — смелей
На подоконник — подбородок! —
Атлетом в зарослях шмелей,
Ребёнком посреди находок,
И спрыгнуть. То ли ещё ждёт
Тебя за гранью? Как случится.
Но таинство произойдёт,
И откровенье состоится.*

Зато какая вокруг была красота! Деревья расступались, давая дорогу старожилам-валунам, покрытым мхами; то тут, то там виднелись кусты, униженные яркими бусинами ягод: некоторые были красные, иные — свинцово-синие, будто грозовая туча нависла над лесом и осела на кусте. Птицы клевали и те, и другие, а то не клевали вообще — видимо, любовались, как Джек.

Поэтому когда возле Ручейка появилась группка туристов, вынырнувшая из чащи, подобно ушлому чёртику из табакерки, Джек насторожился. Он был уверен, что сейчас они начнут хвалить его родное место, восхищаться его превосходством и хотеть остаться здесь навсегда.

Он даже гордо выпятил грудь и задрал нос, будто говоря: «Извините, но в этом чуде живу я. Ну, ещё папа, кот Хозяин и собачка Пистон, с которой мы вместе охраняем заповедник. Но вам всегда будут рады в нашем лесу — приезжайте!»

Вместо этого он чуть не задохнулся от обиды и не выскочил из своего укрытия, когда один из чужаков произнёс:

— Тьфу, дребедень какая! В рекламном проспекте сказано: «Один из красивейших водопадов Северной Пенсильвании...» — а тут — плевочек... — и он пнул сапогом невинный камень, лежавший у Ручья.

— Может, мы ещё не дошли? — робко осведомилась девушка с рюкзаком и в горных ботинках.

— Какой там! — в досаде махнул рукою парень. — Это оно и есть — знаменательное место. Только не доросло.

Остальные загоготали. Их было человек десять — молодёжь и двое стариков. Пожилая пара, казалось, была довольна таким поворотом событий: присев на камень, обиженный нахальным пришельцем, они с удовольствием фотографировались, разворачивая электронную «таблетку» то так, то эдак и пытаясь попасть в объектив, вместо того чтобы запечатлеть Ручеёк и его несравненную прелесть — ну, хоть на фоне его.

*С утра пораньше — на берега!
Ах, не ступала бы нога,
Не столько бычья иль овечья —
В виду имелось: человечья.*

— Зато, вон, ботинки тебе купили — на свадьбу, — предводитель компании (Джек мысленно окрестил его «кочетом») попытался ущипнуть робкую девушку за бочок, та ойкнула и стыдливо увернулась. — Забочусь о тебе.

Он сжал её в объятиях — все схватились за мобильники: снимать, снимать счастливые моменты бытия. Судя по всему, жених и невеста расцеловались — на глазах у всех. Группка заплодировала.

— Ладно, пора возвращаться — завтра тяжёлый день. Да, крошка? — «кочет» ещё раз обнял подругу, сграбастав её за плечи и притянув к себе. Девушка снисходительно улыбнулась. — Надо успеть с распорядительницей свадьбы встретиться, отрепетировать выход — не дай бог свидетели запнуты. Да и нам с тобой... не помешает, а то ещё испугаешься священника и скажешь, что ты меня не любишь и замуж не пойдёшь.

Группка снова захохотала.

— Подъём, родители!

Старики, сверкая вставными зубами, бодро зашагали по тропинке, ведущей к отелю, где они остановились, и где должна была состояться церемония бракосочетания, — к одному из ветхих, патриархальных отелей в стиле Тюдор, помнящих гражданскую бойню между Севером и Югом и зачатие Конституции. До сих пор их могучие кресла принимали форму республиканских тел, куривших либеральные трубки, а в комнатах, пропахших плесенью, витали неусыпные тени индейцев, когда-то населявших эту землю, пропитанную тайной.

Не кровью, хотя её было пролито достаточно, но ароматом легенд и поверий девственной, предрассветной, пророческой жизни древнего человека.

4

*И от звуков шепотных развеялся лес.
Разбежались по норам, по дебрям небес.
Отскакали копытца по мёрзлой земле.
Полушубком двоится медведь на скале...*

Джек, ослеплённый, сидел за камнем. Когда компания начала уходить, он поднял с земли жёлудь и запустил им в наглеца, ругавшего Ручей.

Жёлудь попал в кепку. Охламон оглянулся, но, никого не заметив, бросил невесте:

— Должно быть, белка.

— Или с ветвей упало, — подхватила девушка.

— Вот, что мне с ветвей упало, — с обожанием сказал он и подбросил девушку в воздух.

Та завизжала. Довольные, они, наконец, удалились, а Джек, страдая, сначала засопел носом, а потом разрыдался. Как маленький.

Да, как маленький.

— Идиоты! — в слезах крикнул он вслед уходящим: шуршанию кустов, дрожащим веткам и еле слышному гаму голосов. — Ничего вы не понимаете... — добавил он уже тише, ослабевая от рыданий.

Бессильная горечь охватила его. Он сидел, уткнув лицо в колени, на тёплой сухой земле. Летний день догорал, лаская Джека прозрачными ладонями. «Ну, не плачь, мой хороший мальчик, — будто говорил он. — Неблагодарных много, но мы-то с тобой знаем, что на свете действительно значимо...»

*Когда б не слух, трепещущий во мгле,
Я б сизой птицей стлался по земле,
И лёгкий клюв кропя водою из ручья,
Немых глубин дотрагивался я.
Плещась средь скал, искал бы дольных рыб
И, мхом прикрывшись, осторожных глыб
Полировал бы лбы... И долгий плеск воды
Мои б заращивал, закрепивал следы...*

Джек плакал; худенькие плечи вздрагивали, фигурка сгорбилась. Загорелые руки и ноги в растоптанных сандалиях, потёртая футболка, самодельный лук, — о, Джек по-прежнему играл в старомодные игры, не увлекаясь ни Человеком-Пауком, ни безмозглыми Трансформерами, — современный мир его мало интересовал, разве что с точки зрения Природы, которая не менялась.

Тогда как его сверстники, зомбированные всевозможными экранами, превращались в не более чем рефлекторную копию Экс-бокса или Вии, мальчик сливался с лесом и его обитателями в блаженной гармонии. Уходил в себя, пока другие подростки, затянутые в бездушное Зазеркалье виртуальной реальности — без Алисы и Чеширского Кота, без Кролика и Красной Королевы, общались друг с другом посредством СМСок, Фейсбука и прочей социальной мишуры, забывая живой язык.

Иными словами, повальное бедствие, заразившее современное детство, не коснулось Джека — Джек жил в лесу. Его миновал технократический недуг, и хотя компьютер у него был, он им не пользовался. Вернее, пользовался только для того, чтобы отправить домашнее задание учителям или порыться в Интернете на предмет вещей, занимавших его.

Он общался с природой. Святой дух земли вселился в мальчика и руководил им со всей мудростью, на которую было способно живое, связанное с Создателем. Немудрено, что Джеку были подвластны силы, о которых он и не подозревал. В нём жил колдун, ведун, вещей знахарь — Мерлин, не распустившийся ещё, как диковинный цветок.

Прекрасный ведьмак жил в наивном ребёнке, чистом душою настолько, что каждая травинка доверяла ему своё дыхание и каждая птица пела только для него.

*В лесу, в беспамятстве — новинка
Для здесь обретшего себя,
И слуха малая травинка
Пристроится возле тебя,
У ног. И, небеса жалея,*

*Уйдёт туман, раскрыв простор,
И жизни тонкая аллея
Настроится на разговор.*

5

Однажды отец повёз его в знаменитый Диснейленд. Всё восторгало мальчика: сумасшедшие куклы и американские горки, пираты и подводное царство, фейерверки и разноликие страны на острове Эпкотт.

Но больше всего ему понравилось Королевство Зверей.

Их с отцом посадили в просторную машину с рядом скамеек, на которых разместились люди, — много людей, человек пятьдесят, не меньше. Машина была открытой, чтобы посетители могли увидеть животных воочию — воистину, ибо между ними и человеком не было даже стекла.

— Сафари, дамы и господа! — объявил симпатичный кондуктор. — Стрелять можно только из фотоаппаратов.

И тележка тронулась.

— Держитесь за сиденья и друг за друга! — балагурил веселый водитель. — За животных держаться нельзя!

*По Индии без паспорта в кармане,
Где Маугли узнают по улыбке;
По Индии пешком, как по ошибке
Найдя судьбу — взлетев на Ханумане.
Летучих обезьян родное стадо;
Найди слона, послушного тебе лишь;
Укрась его гирляндой, если веришь,
А если нет, тогда гирлянд не надо.*

О, эти мартышки, скачущие по ветвям! О, жаркая почва и сухие кусты, торчащие в разные стороны колючей проволокой! О, высокие жирафы («Папа, смотри!») ростом с дом, объедающие нежные листики с недоступных крон!

Лежащие в грязи бегемоты — только ноздри торчат из воды, вязкой от ила; бегущие крокодилы («Папа, а он нас

не догонит?» — «Нет, сынок»), разевающие пасти перед сеткой вольера. Цветастые птицы — словно кисть маляра прокатилась по всей палитре и упала на холст, разбрасывая яркие брызги! Толстые баобабы и спящие под ними львы — «Папа!..»

А вот живописная группа деревьев — оазис в пустыне среди сорокаградусной жары и безводной суши, опаляемой изнурительным маревом. Зной струится, животные прячутся, но эти — две гиены, прилёгшие в тени, — и не думают спастись бегством: им хорошо, они привыкли, хотя курносые пасти ощерены, и пятнистые груди дышат тяжело. Гиенам жарко, они облизывают друг друга, проявляя трогательную, скупую заботу о партнёре. Вот одна из них положила морду на плечи другой...

— До чего они уродливые! — произносит голос рядом с Джеком.

Тётка. Тощая, сухая, поджарая, как саксаул, с выстриженным затылком и скептически поджатыми губами. Выражение скучного лица брезгливо и неприятно. Даже не пепел — пластик.

Всё в ней искусственное: причёска, поза, хищные акриловые ногти и плоский ридикюль, сидящий у неё на коленях, словно мелкая, глупая собачонка, из тех шавок, что не замолкают никогда, твякая на всё, что движется, то ли из пугливой злобности, то ли от непреходящего страха перед тем, что крупнее их, то ли по причине скверного, сварливого характера, свойственного невежеству и ничтожеству, в том числе и в мире животных.

*В нору, от жизни настоящей,
Скольжу коньком, чтоб был таков, —
От шавки спрятаться кричащей
И от сухих дверных замков.*

Большая собака — вот, как, например, Пистон, просто так лаять не станет. Потому что попусту зачем? А вздорная шмакодявка, дрожащая всеми членами, ещё и верховодить серьёзным зверем начнёт, и вообще всем, что её достойней, а большое будет терпеть.

А почему? А потому, что по-настоящему большое не обидит малое и слабое из благородства, а малое и слабое, которое выскочка, подумает, что оно — пуп земли, раз все его боятся и обходят стороной. И возомнит о себе, и возгордится.

*«Ай, моська! Знать она сильна, что лает на слона...»**

Вот как тут быть? А большое могло бы: ударить лапой — и пшик вместо шмакодявки, и мокрое место. Но не станет, не станет великое давить малое: снизойдёт — пожалеет. Только малое этого не оценит.

6

Джек не любил маленьких собачек. Вот, всё любил, а маленьких собачек — нет. Вернее, не так: которые славные, отзывчивые, были Джеку по душе. Щемящие до боли — как шитцу соседа: старенькая, толстая, она еле передвигалась, хрипела, а всё ж — лизнула Джека в ногу, перед тем как уйти «за Радужный Мост». И плакала — глаза её плакали.

Джеку было безумно жалко её — он даже цветы принёс ей на могилку. И долго стыдился себя и своих чувств — ну, не любил он маленьких собачек. А почему? Из-за их искусственности — вот, как эта тётка. Будто они были специально выведены, чтобы мстить естественному отбору, — ведь человек их защищает.

Так или иначе, Джеку претила их никчемная декоративность и вертлявая вычурность. Более того: в глубине души он их презирал, хотя не признавался себе в этом. Не было в них веса, импонирующего ему. Солдатского веса. Солидности. Ёлочные игрушки, — хотя к Рождеству Джек относился с особым восторгом, — но ёлочные игрушки — на пальме? «Приторность, дамы и господа!» — как сказал бы задорный гид Королевства Зверей.

А Пистон даже однажды в капкан попал. Бедный Пистон. Хромал с тех пор, припадал на лапу. Один глаз заплыл — боевой пёс, проверенный.

* Из басни И. А. Крылова «Слон и Моська».

А ещё Джек не любил котов со злыми мордами: с какой стати?! Живёшь себе и живи, зачем злиться? Кормят, поят тебя, ласкают, причёсывают — чего тебе не хватает, спесивая bestия?

Любил мурок беспородных, полосатых, урчащих под боком, приходящих к нему на живот, когда болел. Вот как их кот Хозяин — бомба, а не кот! Даже Джим к нему с почтением относился, не говоря уже о Джеке, которого кот опекал, но с некоторым пренебрежением, как и подобает высшему существу по отношению к низшему.

Любил бездомных животных. Диких. Свободных. Выбирающих, с кем быть.

Ценил их выбор. Уважал.

*Ушей высокая корона
И поступь гордых королей.
Звенит каштан густо-зелёный
Над сворой дружною моей.*

— Сама ты уродина! — вдруг выкрикнул мальчик, оскорбившись за гиен. — Они в сто раз красивее тебя!

Отец ужаснулся.

— Ох, простите его, пожалуйста, — он рос без матери... — сконфуженно прошептал Джим, закрывая сыну рот рукой.

Тётка не отреагировала. Потом враждебно посмотрела на ребёнка, плачущего от гнева, и отодвинулась. Её толстый муж, в шортах, из которых выпадало его брюхо, взял её за руку и, что-то шепнув на ухо, перетянул на другое сиденье — подальше от истеричного отпрыска и его родителя.

Джим с Джеком остались одни. «И слава богу», — подумал Джим, переводя дух.

— Папа, правда, здорово, что они ушли? — одними губами спросил Джек, припадая к отцу.

«Правда, сынок», — улыбнулись губы Джима. И глаза.

Гиены были отомщены — ведь противная тётка пересела в самую середину и больше уже ничего не увидела. Так ей и надо — оно ей всё равно ни к чему.

*Пойдём! Пиратской утварью заселен
Рюкзак — ни кошелька, ни чемодана.
Скорее оседлаем Ханумана,
И вдоль реки, вдоль площади, вдоль келий —
Туда, где стансы — лишнее, где дача
Длиною в храм для Кришны и для Будды,
Где волшебства святые халабуды
Собою защищают Аппалачи.*

7

И теперь Ручей... «Как посмел незнакомец оскорбить моё сокровенное?! Насмеяться над ним?» — в груди у Джека бурлило кипящее озеро. Как посмел равнодушный задеть любимое?

Джек пылал возмездием, которое было невозможно. Жёлудь? — слабый жёлудь, отскочивший от кепки. Заносчивый пришелец не ощутил сопротивления — он даже не заметил мальчика, бросившего ему вызов. «Белка...»

Джек припал к Ручью.

— Я тебя умоляю — слышишь меня? Стань сильнее, вырасти — вот как я расту. Пожалуйста! Ты всё можешь, я знаю. Покажи им, какой ты! Я верю в тебя!

*Аукаться — не помниться,
не слышаться, не вериться;
Аукаться — как в лес ходить
за тридевять землицей.*

*За каждый куст не спрячешься,
И рысью одиночества,
От пелены чудачества
До высоты пророчества.*

Дома после тарелки супа Джек свалился с температурой. «Где ты умудрился простудиться? — недоумевал Джим. — Лето на дворе!» — «У меня в душе осень», — высокопарно отвертел Джек и отвернулся к стене.

Отец улыбнулся и нежно погладил его по голове.

— Ого! Да у меня сын — философ! И поэт.

В ночи мальчик следил, как падают звёзды — одна за другой, и загадывал желание — одно и то же.

Старая семейная люстра о трёх плафонах, как змий с тремя головами, отбрасывала причудливую тень под потолком: будто хеллоуинские тыквы с вырезанными глазами и ртом — щербатая чёрная графика — зияли в свете луны. Джеку не было жутко: он привык и к луне, и к люстре, и к верному Пистону, на последнем издыхании, перед тем как уйти к собачьему богу, приходившему к нему и клавишему голову на грудь...

*И холодом веет от камней,
И старенький щавель зеленей
В саду, где под шапкой листвы-молвы
Моей не сносить головы.*

8

Прошли годы. Джек превратился в молодого мужчину. Он давно уехал из крошечного городка на севере Пенсильвании и расстался и с речкой Делавэр, и со скромным Ручьём, впадающим в неё через многие реки.

Он влюбился в милую девушку и решил привезти её, уже свою жену, в гости к отцу, на родину, дабы показать места, где родился и вырос — где целомудренная природа пестовала его девственную душу.

Открытое лицо его сияло: он и его прекрасная подруга были счастливы, как только могут быть счастливы люди, по-настоящему нашедшие друг друга, — люди, которых свела судьба. Не для мук, чтобы изживать недостатки прошлых жизней, а для последней великой радости, которую дарует человеку вселенная перед тем, как забрать его навсегда — для иного служения.

*Избродив семь пространств, возвращаюсь,
Востаю из глубин, восхожу,*

*К потолку головой прикасаюсь
И привычные тени слежу.*

У Джека была ещё одна причина навестить отца: тектонический сдвиг, случившийся несколько лет назад, разрушил тропы, по которым ходил Джим и бегал маленький Джек, смял пространство, не менявшееся тысячелетиями, и раздвинул его границы ближе к горизонту. Лес потеплел, значительное землетрясение — неслыханное для этих мест, вбросило массу новой крови в старое тело массива, и он зажил новой жизнью.

«Ты не узнаёшь некоторых участков!» — с намёком сказал отец, но разглашать тайну отказался. «Сам увидишь...»

И Джек увидел.

*В домов своих цветущий рай,
В нездешний край,
В любовный край.
Как по излучине: прощай!
Как в детстве: обещаю!*

Они с Линдой приближались к заветному куску леса, где тот редел, пропуская Ручей вперёд. Издалека молодые люди слышали характерный рёв — будто кто-то сливал плотину сквозь отверстые шлюзы. «Не может быть...» — подумал Джек, и сердце его заторопилось.

Ручей обрывался с солидного склона, образуя мощный водопад. По обеим сторонам его стелились дощатые мостки, на которых роились люди — много людей. Стихия ликующе шумела, бурля и пенясь; кое-где воды с силой уходили под землю, казалось, качая камни, каждый из которых мог бы вместить на себе небольшой оркестр. Тощие деревца, цепляясь за них, норовили упасть в поток, со счастливым рокотом несущийся дальше, дальше, — неудержимый водосброс высотой с пятиэтажный дом, распускающий косы, словно Рапунцель со сказочной башни.

Джек торжествовал — и плакал. Он не верил собственным глазам, но не мог не верить: его друг, его робкий Ручеек вырос.

Пусть не Анхель в Венесуэле, но истинная мощь и радость: каскады и брызги, грохот и плеск, радуга водяной пыли, обдающей лицо энергией свежести. Он летел с высоты, наслаждаясь полётом и мощью, — грандиозное изящество! Он сдержал обещание, хоть и не давал его.

*Гремя водопадом, над бездной вставать
И белые искры, как брызги, метать...*

Джек, потрясённый, тронутый до глубины души, сжал руку Линды.

— Когда-нибудь я расскажу тебе, как всё начиналось, и где истоки этого чуда света.

— Давай, я люблю секреты, — сказала девушка, вдыхая влажную прохладу водопада. — Особенно твои, — и она прижалась к нему.

А голос экскурсовода пытался перекрычать поток.

— Перед вами — один из красивейших водопадов Северной Пенсильвании. В народе его зовут «Мессия».

*И мой размах над миром облаков
Даст мне знак прицелиться в пучину,
И я снимаю бранный свой покров
И смело разгибаю спину.*

Сентябрь 2013 — 6 октября 2015

БЕНЕЧКА

(из цикла «Дневниковые записи Ледникового периода»)

Инне Цукровой в память

Я ходок-то ещё тот. Правда, по Альпам ходила — даже ботинки не жали. А при покупке жали. Но красивые!.. Вот я их и купила. И они оправдали себя.

Тогда, двенадцать лет назад, у меня ботинок ещё не было. А были кроссовки, совершенно не приспособленные к ходьбе по горам: по осыпающимся горным тропинкам и вывороченным тысячелетиями, оскользающим под ногами от струящихся по ним жидких ручьёв и мягкого чёрного ила, мыльного наощупь, мощным скалистым обломкам, по которым и в сухую-то погоду не взберёшься, разве что со снаряжением, не говоря уже после дождя.

Он полоскал Белые горы день и ночь, и до этого ещё четверо суток, но мы всё равно попёрлись в поход. Ладно Игорь и Инка — заядлые туристы, да Лера с Димой — тоже изрядные ходоки, но я... Пороха не нюхала, по крайней мере, давно, да и не любила я ни карабкаться вверх, ни катиться вниз, как тот дедушка в анекдоте: «Я, внучек, могу спускаться по лестнице либо очень медленно, либо очень быстро...»

Но «лучше гор могут быть только горы»,* и я сдалась на уговоры друзей и поехала в штат Нью Хемпшир наслаждаться природой: палаточными условиями, общим туалетом чёрт знает где, жареной на гриле едой, которую я в обычных условиях не употребляю категорически — здоровье не позволяет, вернее, отсутствие его, и мерзкими чёрными канадскими мухами, впивающимися в кожу насмерть и оставляющими в ней, судя по последствиям — огромной шишке

* Владимир Высоцкий, песня «Прощание с горами» из к/ф «Вертикаль», 1967 г.

и нестерпимому зуду в районе укуса — свои челюсти, которые явно продолжали жевать даже по отторжению мухи от тела посредством убиения.

Поскольку я дежурила в госпитале в тот выходной, к ребятам присоединилась на день позже. Палатку мне велено было не брать: «С нами переночуешь, — сказал Игорь. — Бенечка подвинется».

Бенечка — Бенджамин — собачка ребят, роскошный бернис с белой грудью и такими же лапками, с жёлтой опушкой возле хвоста и ушками, торчащими в боевой готовности, тут же принял меня: обнюхал, походил вокруг и улёгся у ног, вальяжно разложив пушистую шкуру и высунув длинный, влажный, розовый язык, — жарко.

— Ну, всё, — проконстатировала Инка, — он тебя посчитал.

— Это как? — удивилась я.

— Он же пастух — пастушья собака. Заметил новую «овцу», прибавил в стадо и теперь будет тебя стеречь.

Я улыбнулась.

Бенечка не только уступил мне свою раскладушку: лёг вдоль неё на полу ночью и время от времени поглядывал

на меня, — я, просыпаясь, ловила следящий взгляд его матово отблёскивающих в свете наружного фонаря тёмных глаз. А когда мне пришлось встать, и я со вздохом посреди ночи поплелась «на горшок», он приподнялся было, намереваясь меня сопровождать, но я его отговорила.

Внимательно посмотрев мне в самые зрачки, словно взвешивая все за и против, — сбежит, не сбежит — он бросил голову на лапы и остался в палатке — сторожить хозяев. Всё-таки две «овцы» больше, чем одна.

На следующее утро, наскоро позавтракав, мы отправились в горы. Вернее, на определённую гору, славившуюся своей крутизной и захватывающим видом сверху — для тех, кто доберётся. Ребята шли скоро, я шкандыбала. Впрочем, подъём оказался намного легче спуска, но я об этом ещё не подозревала, проклиная всё на свете и, в первую голову, свой артрит — полнейшую непригодность к активному образу жизни. С юных лет он долбил меня молотком по суставам, лишая подвижности, вернее, счастливой склонности к оной. Наследственность — подлая вещь!

Никогда не была физически энергичной — жила в голове. Там же и летала.

В общем, плелась я за лёгкой Лерой, сжалившейся над мной и решившей «аккомпанировать» мне в моём темпе.

— Так бы шла себе и шла, — раздумчиво произнесла она, переставляя умелые ноги в стильных «вибрамах». — Как мул. Хорошо!..

Я пыхла, но терпела, за Леру не цеплялась, хотя артритные колени уже начали пространно, характерным скрипом, намекать на дальнейшие осложнения.

— Пить хочешь? — спросила подруга.

Я виновато вздохнула: свою воду выхлебала ещё в машине. Лера усмехнулась уголком рта — с пониманием — и отстегнула фляжку от пояса. Не турист я, ох, не турист...

— Пей маленькими глотками, иначе не хватит. Да и сердцу будет тяжело сразу такой объём по телу таскать. Правда! — мне не жалко, но так лучше. На, вот, крышечку. Дойдём до привала — дам ещё.

ЕЛЕНА ЛЕБЕДЕВА родилась и выросла в городе Днепротровске (сейчас Дніпро), в Украине. Спустя полжизни переехала в США, повинувшись властному зову любви к другому человеку, да так и осталась — ещё на полжизни. Имеет два технических образования, работает по специальности (фармацевт). Предпочитает шуму и гаму улиц, компаний, суеты мирской, по Марине Цветаевой, «для тишины четыре стены» — литературную медитацию.

Пишет с юности: стихи, прозу, песни, мюзиклы; говорит на нескольких языках. В начале века — в полном смысле этого слова — в 2000 и 2001 году, в Днепре, были изданы две её книги стихов: «Lunatic» и «Симптомы сна». В 2015 году днепровской фирмой «Тандем», была издана первая книга прозы: сборник рассказов-снов, оформленный белорусским художником-иллюстратором Павлом Кульшей. Книга была переведена на английский язык и в 2017 году вышла в свет в издательстве «Archway Publishing» (США).

В настоящий сборник вошли рассказы и повести из разных циклов, написанных Еленой Лебедевой в течение последних двадцати лет. О чём эта книга? Бог вещь... Об отношениях человеческих, сложнее которых разве что пресловутый, мифический лабиринт Минотавра, о любви — конечно же, о скитаниях, как нравственных, так и физических; о прочной дружбе, берущей начало в юности и идущей за пределы земного существования — в миры иные, великие; об ошибках и спотыканиях, — о вечной проблеме выбора, ведущей нас по грани: зла и добра. Книга — зеркало. Что увидим? И пусть то, что покажется читателю, отличается от авторского отражения. На то она и книга — водоём души. Без дна.

Попутного ветра!

«Над вымыслом слезами обольюсь», — помните, такое было в какой-то другой, прошлой жизни? Сейчас это происходит всё реже, да и, видит Бог, вокруг такое творится, что есть над чем облиться слезами. А современная проза, увы, часто и вовсе не литература, а макулатура, — всё плоско и примитивно. Поэтому — да здравствует слово! Да здравствует слог! Да здравствует Его Величество Вкус!

У вас в руках — хорошая книга. Из настоящих. Написанная нутром, искренностью, кровью порой, — но от души. И для души.

Марина Ахметова

ISBN 978-1-960533-51-7

9 781960 533517

